

О МЕХАНИЗМЕ СОСКАЛЬЗЫВАНИЯ

Литературная Россия. 1989. 30 июня; 7 июля; 14 июля; 1 сентября

СТАТЬЯ ПЕРВАЯ

Наука зиждется на сомнениях. Во всем. И прежде всего — в том, что кажется очевидным. Уж, казалось бы, что может быть очевиднее лозунга: «От слов — к делу!» Но императив научного «ремесла» не позволяет просто и бесхитростно присоединиться к, казалось бы, столь естественному призыву. Сразу хочется доопределить, доосмыслить: от каких слов — и к какому делу?.. Додумать, как «технологически» осуществить такое преобразование. Возможно ли оно в принципе, и если возможно, то в какие слова аккумулярован сегодня максимум энергии, а значит, какие действия при предлагаемом переходе будут осуществлены?

Интуиция подсказывает (а точные социологические исследования подтверждают), что гипнотическую и, я бы сказал даже, магическую власть над массовым сознанием приобретают такие слова, как «геноцид», «партийная клика», «мафиозный заговор», «жидо-масонский заговор», «военная клика». А ведущим, центральным словосочетанием, «ключевым», как это называют психоаналитики, тем «Солнцем», вокруг которого вращаются планеты всех прочих «энергетических заклинаний» и «политических мантр», является, конечно же, самое раскаленное — «гражданская война».

«Предчувствие гражданской войны-ы-ы» — под аккомпанемент рок-оркестра; «гражданская война между народом и партаппаратом» — в мегафон почти на каждом из митингов; «без гражданской войны дела с места не сдвинешь» — это в такси, а еще чаще в подвозящих ночью частных машинах...

«Взял бы автомат, да и...» — это от каждого второго пьяного...

Сумгаит, Кировабад, ноябрьские события в Закавказье, Тбилиси, Фергана, Коканд... «От слов — к делу!»

Но лозунг — это, как определил еще в начале века Мигель де Унамуно, поверхностная история.

Интраисторию, реальную температуру общественного сознания, не в меньшей степени характеризует такая безобидная вещь, как анекдот, пародирующий лозунговую стихию... И тут, конечно, вне конкуренции следующий перл: «Перестройку – в перестрелку...»

«Нам не дано предугадать, как наше слово отзовется...»

Увы, дано... Дано нам это предугадать, особенно если речь идет о горячем слове, брошенном на благодатную почву... С математической точностью предугадываем действие такого слова всеми мастерами манипуляции массовым сознанием – от Геббельса до «теоретиков» социально управляемого общества и «системщиков», закладывающих в кейсы своих компьютеров экспертные матрицы и так называемые структурные модели «микровласти».

Интересно, какой процент мужчин и женщин (а последние порой ничуть не менее податливы на политические заклинания, чем сильный пол) воочию видел перестрелку? Вообще – войну, и тем более гражданскую? Те, кто видел, вспоминать не любят... Кричат же другие, зачастую те, кто не то что в перестрелке, а в первой же уличной потасовке начнет растерянно озираться и, по меткому выражению Бердяева, «апеллировать к городовому». Вопрос – почему же они так громко кричат, так яростно жонглируют обжигающими словами? Потому ли, что не ведают, что творят? Или оттого, что – да простится мне марксистская терминология – рассчитывают на «разделение труда», коль скоро Слово вдруг возьмет да превратится в Дело?

«Предчувствие гражданской войны!»

Да что же это получается? Костерили на всех интеллигентских кухнях большевиков за то, что они развязали эту самую гражданскую войну, и вдруг...

«Сон разума рождает чудовищ...» Характерно, что мы имеем дело с особым лихорадочным, конвульсивно деятельностным Сном, который Эрих Фромм назвал «сном на бегу». Общество лихорадочно бежит куда-то, в очередной раз не удосужившись уточнить – куда? То ли в Котлован, то ли в Светлое (теперь уже, очевидно, в капиталистическое) Будущее. Бежит, как кажется ему, от нестерпимости своего настоящего. Ему мнится, что хуже некуда и что лучше пускай будет и хуже, но только не так, как сейчас... Ой ли?

В Сумгаите я спрашивал тех, кто по роду службы имел оружие и кто по гражданскому темпераменту и уровню профессиональной подготовки мог и хотел вмешаться – и не вмешался. На мой вопрос – почему, рослый, с открытым лицом мужчина, поблед-

нев, ответил: «Мы охраняли хлор...» Сумгаитский резервуар хлора при взрыве может дать последствия не меньшие, чем Чернобыльская катастрофа.

Автоматическое оружие уже пущено в ход в Средней Азии. Ручные противотанковые гранатометы на вооружении у таких же стрелковых частей, у каких (больше – неоткуда) бралось, выкрадывалось, выкупалось стрелковое автоматическое оружие.

Итак, два фанатика, один РПГ-9 и...? А сколько хорошо вооруженных людей надо, чтобы уничтожить многомиллионный город? Москву? Ленинград? Новосибирск?

Десять? Двадцать? Тридцать?

Так ли уж нестерпимо плохо наше сегодняшнее состояние, чтобы звать, накликать эту самую гражданскую войну?

Днем и вечером у телеэкранов, вместе с десятками тысяч столь же растерянных и дезориентированных людей, наэлектризованных раскаленными словосочетаниями. Людям, по-видимому, кажется, что ЭТО необходимо.

Но ведь есть еще ночь. Есть дети. Есть страна, в которой им жить.

Что особенно поражало во всех горячих точках Закавказья? То, что дети оказывались втянутыми в далеко не детские «игры». И где? В регионе, где ребенок – средоточие смысла. Что же происходит?

Деформация социализма, застойный период, отчуждение, механизм торможения, инерция, командная система... Вавилонская башня слов... Раскаленная лава публикаций... Все – плохо... Все – надо менять. Всюду – незамедлительно вкладывать огромные средства... Вся страна как открытая рана...

Острый политический парадокс. С одной стороны, крик о том, что страна разорена, с другой, – истерия социального иждивенчества. Парадокс, рождающий невротическое состояние общественного сознания.

Дай – новую надежную энергетику!

Дай – экологическую безопасность!

Дай – товары народного потребления!

Дай – больше заработать предприимчивым людям!

Дай – социальную защищенность!

Дай...

Дай!..

Дай!..

...Откуда взять?!

И здесь предлагается такой простой и очевидный выход — частное предпринимательство. Стоит-де, мол, только взять и посадить на царство вместо большевиков министров-капиталистов — и все проблемы сразу решатся. Приватизация! Новое раскаленное слово. Никто не спрашивает, можно ли ее осуществить, как заработает этот новый механизм? Ведь там, у них, хорошо? Значит, и у нас тоже будет хорошо!

Оптическая иллюзия. Кажется, от нас до них — рукой подать!.. Но в том-то и парадокс, что при всей обманчивой близости между нами — пропасть.

Но кто сказал, что есть лишь два варианта? До каких пор мы будем оставаться в плену этого вечного «или—или»?

«О, дайте людям свободу мысли!»

«Странный вы мечтатель!», — ответил на это пылкое требование маркиза де Позы король Филипп. И исторический опыт, увы, свидетельствует в его пользу.

В самом деле, трудно и страшно дающему, но еще страшней и тягостней — берущему. Поскольку не умеет, не может, не хочет взять.

Гражданская война — это ясно, понятно, просто.

А свобода мысли?

В сто крат легче заменить лозунги, чем разрушить структуру лозунгового мышления, создать думающую личность, устойчивую к любому — подчеркиваю, любому — массовому психозу, интеллектуально независимую не только от государственных кабинетов, печатных органов, правых и левых, но и от групповых влияний, и даже, как ни страшно это прозвучит, от своих человеческих пристрастий. Ведь мы же требуем этого от тех, кто вершит суд над людьми. Как отнеслись бы мы к следователю, приобщающему к делу лишь эмоционально созвучные его восприятию свидетельские показания?! Или к судье, имеющему давнишние счёты с подсудимым и не берущему самоотвод?!

У меня — крупный фамильный счёт к 30-м годам.

Но какое право имею я судить этот период, заранее зная, кто прав и кто виноват? Да в этом случае я даже и спектакль не имею права ставить, поскольку и у художника, и у ученого задача одна: добыть истину, а не облечь ее в красивую упаковку.

Говорить правду — гораздо легче, чем добывать ее.

И кто сегодня при решении вопросов о нашей исторической судьбе, о роковых механизмах, бросающих наше Отечество из одного катаклизма в другой, способен давать рецепты?

Только не очень умный и очень ангажированный человек.
«Никто не знает настоящей правды...» Искать ее мы обязаны все, изрекать — не смеет никто. Ибо каждое изреченное слово, подхваченное тем или иным общественным веянием, способно стать той самой искрой, от которой если и возгорится пламя, то пламя, в котором сгорят наши дети...

Мы обязаны выработать такую научную интонацию, которая (не сковывая свободы научного поиска) исключит превращение наших исследований в финки и автоматы еще одной гражданской, которая — а это понимает любой мыслящий человек — ох как легко может перерасти в третью мировую.

Сделать это не так уж трудно. Достаточно, отложив выяснение межгрупповых отношений до более мирного времени, прекратить жонглирование раскаленными словосочетаниями, начать распутывать гордиев узел, вместо того чтобы кромсать его тупым ножом.

СТАТЬЯ ВТОРАЯ

Любое общество, совершенствуясь, решает совместно проблемы функционирования и проблемы развития. Последние приоритетны. Заботясь об элементах нового и жертвуя во имя их чем-то в своем настоящем, общество сознает, что именно новое поможет ему решить все, в том числе и текущие, его проблемы, сколь бы остры они ни были. Общество, не создающее внутри своего настоящего реальных материальных плацдармов будущего, больно. Кризис социализма как общественно-политической системы — налицо, но это кризис социализма индустриального. Это кризис функционирования, порожденный отсутствием моделей развития.

Представим себе сегодня «чистый», индустриальный капитализм. Это ведь тоже ничуть не менее, а то и более нездоровая система. Ныне развитие той или иной капиталистической державы полностью определяется тем, насколько она сумела угадать и начать строить свое постиндустриальное завтра. Ярчайший пример — Япония.

Наша общественно-политическая система в 20-е и 30-е годы могла развиваться и, наконец, просто быть лишь постольку, поскольку вся, безоглядно, была опрокинута в свое будущее. Будущее это для полуфеодалной России было будущим индустриальным.

Вопреки чудовищным патологиям сталинской системы общество было живым. Мы и теперь задаемся вопросом, как совмес-

тять репрессии, культ личности — и, безусловно, духовный тип человека, сформированный в эпоху индустриализации. Классификация по принципу «было плохое, а было и хорошее», чем занимались и с успехом продолжают заниматься «шестидесятники», сегодня абсолютно неубедительна.

Про плохое говорится ярче, активнее, энергичнее, а раз так, то — вопреки исторической правде — общество, и прежде всего молодежь, убеждается: было только плохое, хорошее — идеологический блеф. «Шестидесятники» сметены, начинается шабаш. Сказать же подлинную правду о сталинизме можно лишь изменив систему интеллектуальных координат и жестко разграничив понятия — «общество» и «система». В какой-то мере именно степень обладания будущим определяет уровень иммунитета общества по отношению к патологиям своей системы. Не понимая этого, мы можем лучше или хуже анатомировать труп или же разыграть черную мессу. Но ритмы и противоречия жизни в тот бесконечно сложный период будут от нас ускользать. Инструменты не те, технологии исследования неэффективны.

К концу 40-х годов индустриальность в СССР из радужной перспективы превратилась в прозаический факт. Перед страной во весь рост встала проблема «нового» будущего. Решить ее маразмизирующий сталинизм, естественно, не мог. На Хрущева и пришедшую с ним команду «шестидесятников» была возложена сложнейшая историческая миссия — реформировать, вывести из кризиса индустриальный социализм и — одновременно — дать стране будущее.

Итак, Хрущев, понимаемый сегодня в основном лишь через призму либерализации, должен был решить многие задачи помимо разоблачения «культа». Само по себе такое разоблачение могло лишь «подживить» начинающее окостеневать общество на сравнительно недолгий срок — за счет высвобождения негативной энергии по отношению к действительно чудовищным злодеяниям сталинизма.

«Сжигая» сталинизм, можно и нужно было разогреть общество прежде всего для антикризисной реформы индустриального социализма. Реформы такого типа — это совокупность мер, эффективно и в кратчайшие сроки устраняющих только самые крупные наросты и патологии, мешающие решить проблемы развития. Дальнейшее и более скрупулезное копание в механизме, не обладающем энергией будущего, бессмысленно. У каждого общества

есть естественные пределы в улучшении своего настоящего, и нелепо делать его более привлекательным, чем оно могло бы быть. Во сто крат важнее думать о будущем. С упорством, достойным лучшего применения, «шестидесятники» «чинили» хозяйственный механизм, «догоняли» индустриальный капитализм по производству вещей на душу населения и вязли в этих «улучшениях». Искренне желая сделать индустриальный социализм лучше, чем он мог стать по своей природе, они делали его хуже, чем он мог бы быть. Так чересчур чадолюбивые родители пытаются «вогнать» свою неказистую дочку в стандарты суперзвезды, принося в жертву не только ее здоровье, но и здоровье ее детей, свое будущее...

Уже к началу хрущевского периода будущее социализма полностью определялось его способностью производить творческий, интеллектуальный продукт, по существу дела единственный продукт, органически свойственный обществу, провозгласившему «тотальное творчество» своей высшей целью и ценностью. Используя духовный потенциал «оттепели», мы к середине 60-х могли создать плацдармы постиндустриального социализма. Разумеется, для этого необходимо было иметь осуществленными немногие ключевые реформы конца 50-х и вместе с тем оставить в покое свою от рождения неказистую экономику.

На существование в 60-е годы такой возможности указывает хотя бы интерес США к решению у нас в стране проблемы использования интеллектуального капитала, интеллектуальных сил общества. Учтя наш опыт, они осуществили рывок. Мы же взяли у них химию, кукурузу. Мы растворили коммунизм в несостоятельной концепции изобилия. И, как итог, начали пробуксовывать.

Эйфорическую радость по поводу того, что индустриальный социализм вот-вот будет улучшен, вытеснило постепенно разочарование. «Дочка», которая, не имея задатков «суперзвезды», ею, разумеется, не стала, превратилась в «падчерицу», которую если кто и мог взять замуж, так только очень и очень неразборчивый или корыстный жених, преследующий свои, весьма далекие от идеальных, цели.

Так началось разрушение социальной мотивации, которое ко второй половине 70-х годов приобрело характер мотивационной катастрофы. В отличие от экономической стагнации, которая вторична (!), мотивационная катастрофа осталась и по сей день неотслеженной и неосмысленной. А ведь именно она лежит в основе

всех экономических, социальных, политических болезней, поразивших наше общество. Тяжесть их, по-видимому, до сих пор еще до конца не осознана.

Наше понимание закономерностей, управляющих развитием — или деградацией — общества, осталось на уровне начала 60-х годов. Мы слепо верим в чисто экономические законы, хотя вот уже более десяти лет весь мир развивает сначала социологическую, потом психологическую и даже этическую экономику.

В то время как в Японии изучали опыт первых пятилеток как способ экономически эффективного использования психологических ресурсов, мы сосредоточились на ускоренной распродаже сырья и — разрушении психологических ресурсов общества. Нам до сих пор в диковинку, как это кто-то может использовать — вместе, разом (!) — психологические (и уж тем более этические!) и экономические категории. Для нас в этом — нарушение чистоты жанра, его эклектика. Увы, вне этой «эклектичности» сегодня никому не дано оценить перспективу развития, распутать весь узел противоречий.

Общество 70-х годов — это «общество разочарования». Его экономика — это экономика разочарования. Характерные черты — замещение, подмена созидания добыванием. В самом деле, а во имя чего созидать? Концепции будущего нет, настоящее уныло.

Ситуация поистине трагическая, сложившаяся у нас с вычислительной техникой, имеет своим источником все то же разочарование. Мы-де заведомо хуже, а раз так — зачем надрывать, зачем создавать свои машины?! К чему это приведет? СССР отстал в области вычислительной техники не только от США и Японии, но и от Южной Кореи. Мы производим компьютеров меньше, чем Тайвань, и они хуже по качеству.

Но главное — мы капитулировали психологически. И не только в вычислительной технике. Нет, пожалуй, уже ни одной отрасли, в которой бы мы не продекларировали свою несостоятельность, подчас даже вопреки объективной реальности. И разве не разочарование, не смена ценностных ориентаций легли в основу скачкообразного роста «теневого бизнеса», а если уж называть вещи своими именами, то криминальной национальной буржуазии, заявляющей о своих политических претензиях — пока лишь (!) — в ходе национальных конфликтов?

В массовом сознании возникла и закрепилась как будто сформированная намеренно, забавная, с точки зрения любого серьезного

информационного аналитика, иллюзия, что капитализм — это и есть демократия. Идеалом рая земного для советского обывателя стали Швеция, Швейцария, на худой конец — Соединенное Королевство. Не вступая в дискуссии, просто как технолог, как человек, привыкший просчитывать сценарии возможного разворота событий, хочу сказать, что это нам «не грозит», извините, попросту «не светит». А вот колумбийский вариант — эдакий мафиозный тоталитаризм со специфическими оттенками для каждой из союзных республик — теоретически не исключен. Один из отечественных «бизнесменов», очевидно контролирующих южные плодовоовощные республики, высказался по этому поводу вполне определенно: «С большевиками покончено, скоро возьмемся за либералов. — И забавно перефразировал Николая Шмелева: — Эффективно то, что безнравственно».

В отличие от наших прекраснородушных «шестидесятников» деятели преступного бизнеса в СССР, контролирующие не менее ста (!) миллиардов рублей, поделили страну на зоны влияния и свободно налаживают связи со своими зарубежными «коллегами», вплоть до откровенного участия в международных «форумах». Они-то прекрасно понимают, что первична политика, а не экономика. Они озабочены прежде всего вопросом о власти.

В обществе разочарования силы стремительно поляризовались. На одном полюсе — официозный камуфляж, хорошая мина. И чем сильнее разочарование, тем толще слой грима, тем алей румяна. Сложился своего рода негативный консенсус. Ярмарка 70-х предложила два типа невест — на выбор: румяную куклу или оскобленный скелет. Одержимые игрой в правдолюбство, мыслители в массе своей выбрали вторую модель. Обыватель, жаждущий покоя, — первую. А работники идеологического фронта, занимающие промежуточное положение, как сказано у Чехова, «женились сразу на двух». При тотальном господстве подобной схемы мы с вами уже перестали бы есть, пить, одеваться, не говоря уже — запускать космические корабли.

Борьба с этой схемой — шла. Причем буквально не на жизнь, а на смерть. Увы, об этой борьбе пока еще сказано мало. Боролись те, для кого общественно-политический идеал сохранил свое обаяние. В известном смысле здесь сложился широкий демократический фронт. В него, хотя он не был ни зарегистрирован, ни провозглашен, вошли «спасатели» всех видов: как известные обществу имена, так и безвестные, и столь общественно непопулярные работники «органов» из числа тех, кто пытался остановить коррупцию (другие поддержива-

ли ее, а для одураченного общественного мнения все были одним миром мазаны), и столь же «непопулярные» партийные лидеры, включая члена Политбюро, по поводу преждевременной кончины которого Брежнев плакал³. (Леонид Ильич вообще был сентиментален. Или по крайней мере с успехом играл эту роль.)

Крайне важно осознать, что, распахивая дверь перед теньвыми дельцами, Брежнев опирался не только и не столько на бюрократию, которая была совсем не так монолитна, как это пытаются сейчас изобразить, а на весь негативный консенсус. Трагедия «шестидесятников» состояла в том, что их благородный критический пафос был активно подхвачен и перехвачен! Это нетрудно было сделать, поскольку позитивные модели, творимые «шестидесятниками», не убеждали и убедить не могли. Подобно тому как в конце 20-х годов никто уже не мог заставить сколько-нибудь мыслящие слои верить в то, что торгующий пирогами нэпман «социалистичней» Саввы Морозова, так же в 70-е стало ясно для думающего большинства, что всерьез построенное на частной собственности и крупном капитале общество работоспособней так называемого «рыночного социализма».

«Шестидесятники» от политологии «громили» Сталина и традиционный социализм, пытаясь отстоять, «высветлить на контрасте» и даже отмыть от копоти образ Ленина-либерала, Бухарина, как его преемника, и НЭП, как единственно истинную модель. Те, кто шел следом за ними, выждали, пока «шестидесятники» сделали свою работу, а потом без труда не оставили камня на камне от самих «шестидесятников». Логика соскальзывания была проста: если Ленин (читай: Бухарин) лучше Сталина, то Мартов лучше Ленина. Каутский лучше Мартова, а дальше — либо «Память»⁴, либо «Демократический союз»⁵. Но только не «красные».

В истории такое повторялось не раз. Главное, чтобы Карно расправился с Робеспьером, а уж дальше Баррасу расправиться с Карно не составит труда. Не успели «шестидесятники» распотрошить классику, как настал их черед... Это и есть соскальзывание.

³ Речь идет о первом секретаре ЦК Коммунистической партии Белоруссии П.М. Машерове, погибшем 4 октября 1980 г. в автокатастрофе.

⁴ Общество «Память» — общественная организация, возникла в конце 70-х—начале 80-х гг. XX в. Являлась самой заметной русской националистической организацией того времени.

⁵ «Демократический союз» — радикально-либеральная организация. Был создан в мае 1988 г. В августе—сентябре 1988 г. провел в Москве два антикоммунистических митинга.

Брежнев получил политическую индульгенцию. Он как бы не нес персональной ответственности за происходящее. Все списывалось на систему. И даже более того. Поскольку очевидную для всех правду необходимо было скрывать, как раковый диагноз от больного, то и его собственное поведение было для всех оправданно. Говорит и не верит? А как же в такое можно верить?.. Затыкает рты? А как же можно про такое распускать языки? Нагло лжет? А что ему остается делать в такой ситуации? Общество было идейно обезоружено, способно только на горький смех, и Брежнев был даже необходим для него в качестве посмешища.

Перестройка пришлась на момент социального шока. Смерть Андропова... черненкоковский коллапс... призрак Гришина⁶... Унижение было столь велико, что мобилизовались все. Время разочарований кончилось. Наступило время новых надежд. Оно у всех на памяти, и поэтому я позволю себе обратить внимание только на один аспект. Все надеялись на разное, всяк на свое. Ключевым в этой ситуации был вопрос об авторитете самой партии. Она сделала ставку на демократизацию. Пожалуй, единственно возможную. Но социальные процессы, вызванные таким ферментом, требовали замены репрессивного авторитета духовным.

Поначалу простой отказ от репрессивности дал мощный положительный импульс, показавший, что мотивационные сдвиги обратимы, хотя бы в какой-то степени. Люди выстроились в очереди за газетами. Напряженность ожидания – работает или нет репрессивный тормоз на очередном идеологическом вираже? – по своему накалу могла соперничать с хоккейным матчем СССР–Канада. Назывались имена политических деятелей, ускоряющих и тормозящих, за них болели, на них молились. Кооперативы даже выбрасывали, кажется, по три рубля за штуку значки с лозунгами в поддержку одних и в порицание других. Само по себе это было прекрасно. Постольку, поскольку возвращало горячее внимание туда, куда давно уже было обращено холодное презрение и равнодушие. Постольку, поскольку показало нам всем, сколь велики ресурсы жизни в этой, казалось бы, застывшей стране. Постольку, наконец, и это главное, постольку был

⁶ В.В.Гришин с 1967 г. – первый секретарь МГК КПСС, с 1971 по 1986 г. – член Политбюро ЦК КПСС, после смерти Черненко считался одним из кандидатов на должность генсека. В начале 80-х гг. его имя фигурировало в громном деле директора московского магазина «Елисейский» Ю.К.Соколова, расстрелянного по статье за взяточничество.

сделан первый шаг к информационно свободному обществу. Вне этого никакое развитие невозможно. Любой вариант, любое блокирование информационного потока равносильны интеллектуальному параличу. Но чем меньше возможности приказывать, тем больше должно быть умения убеждать. Демократизация требует новых методов управления социальными процессами, в противном случае этим займутся другие. Они и занялись. К тому времени у них накопился абсолютный опыт неявных методов социального управления. У партии же он, по существу, отсутствовал.

Инициаторы перестройки пришли в общество с уже сложившейся расстановкой сил. И те и другие силы стали тянуть каждая в свою сторону. Игнорировать же расстановку сил в условиях снятия репрессивного механизма нельзя. Остро понадобился маневр между Сциллой и Харибдой. Последнее было возможным в условиях жестко определенной цели и четко прописанной технологии. Цель уже определил Апрельский пленум 1985 г. и детально обрисовал XXVII съезд. Суть состояла в преодолении технологического отставания⁷.

В неявном виде был выдвинут лозунг спасения страны, подхваченный самыми широкими силами. Настало время осуществлять намеченное. На повестку дня встал вопрос о социальных технологиях, и ... карт-бланш получили «шестидесятники». Причин тому было немало. Во-первых, «шестидесятники» пользовались заслуженным социально-политическим авторитетом. Они сохраняли веру в возможность строя, а значит, и мотивацию к поиску средств его излечения. Во-вторых, у них на руках сохранились готовые рецепты, в ответственности которых они были убеждены столь же свято, сколь и в пору своего расцвета. В-третьих, ряд выдвигаемых ими максимум был очевиден, в первую очередь – последовательный антисталинизм. Итак, «шестидесятники» получили право действий, использовали его, и тут же началось соскальзывание. Уже на деле.

Вкратце – паллиатив не сработал, как и в 20-е годы. Не злая воля «демона-искусителя» тогда совратила наше общество, а беспомощность полумер, претендующих на либерализацию, которая и катализировала диктатуру. То же самое может произойти и сейчас. Любая концепция преодоления технологического отставания требует решения вопроса о ввозе новой технологической базы. Этот вопрос, в свою очередь, требует указания на экспортный продукт, за счет которого

⁷ На Апрельском пленуме 1985 г. был выдвинут лозунг «ускорения» как способа преодоления технологического разрыва между СССР и Западом.

ввоз может произойти. В 20-е годы, как известно, таким экспортным продуктом был хлеб. Что может стать им сегодня? Займы, концессии? Как тогда, так и сегодня эти меры дела не спасут. Сырьем, дешевой рабочей силой и экологическими ресурсами за новые технологии не рассчитаешься. А что же тогда?

Классическая перестройка сделала ставку на следующий, допустим, второй этаж технологической пирамиды – производство вещей. И здесь сразу же возникло одно трагическое обстоятельство. Брежневское процветание жило займы у своих основных фондов. Мы задолжали им несколько триллионов рублей. Возместить их в короткие сроки невозможно. Без этого же на мировой рынок выйти нельзя. К тому же культура рабочей силы, преодолевающей технологическое отставание, мгновенно сформироваться не может.

Выход, как ни странно, в перескакивании через этаж. В использовании интеллектуального капитала. Хлеб 20-х годов может быть сегодня заменен интеллектуальным продуктом.

Мы просто не заметили, как обе системы – капитализм и социализм – перешли в постиндустриальную эру.

С точки зрения предъявляемых ею требований социализм имеет ощутимые, пожалуй, даже решающие преимущества. Духовная почва, выжившая даже после чудовищных патологий, способна плодоносить. И плоды эти могут иметь для экономики страны решающее значение. Стоимость программного обеспечения («софтвера») составляет до 75 процентов стоимости компьютера, и в том, что касается именно этого «продукта», мы уже конкурентоспособны.

Но, чтобы этот механизм заработал, мы уже сегодня должны приступить к созданию постиндустриальных зон, «полюсов роста», сознательно сместив акценты на социальные группы, которые способны этот продукт производить. Причем акцент этот должен быть одновременно и политическим, и экономическим. Необходимо безотлагательно сделать все, чтобы у тех, в ком воплощена интеллектуальная мощь страны, возникло осознание своей нужности, чтобы они наконец перешли из группы «просителей» в группу, наделенную «политическим доверием», располагающую широчайшими возможностями для творчества. Путь к этому – создание (сначала точечных, а затем и более масштабных) зон интеллектуального производства. Это – и решение целого ряда текущих экономических проблем, и, что, вероятно, еще важнее, построение плацдармов будущего социализма.

СТАТЬЯ ТРЕТЬЯ

Еще сорок лет назад Эрих Фромм предупреждал, что коммунисты проиграют все, если только включатся в потребительскую игру. Вне протестантской этики, заполнившей нравственный фундамент здания капиталистической экономики, неминуемым стал бы бандитский рай, общество самосъедания. Ох, как хорошо капиталисты это понимают! Как умело расходуют нравственные, психологические ресурсы общества! При избытке товаров — сколько сил прилагают к тому, чтобы сдержать потребительскую лихорадку! Много ли Рейган говорил о прибыли? Главная его тема — американские идеалы! А Рузвельт? А прочие капиталистические реформаторы? Перелистайте их речи.

Может быть, я говорю о слишком высоких материях? Но к чему, скажите на милость, может привести разжигание потребительских appetites в условиях товарного голода, удовлетворить который нет сегодня никакой возможности? Не кооперативными же бантиками его удовлетворить?!

Но если все-таки свершится худшее и страна пойдет именно этим путем, путем займов и ввоза товаров, то и это — опять экономический гипноз! — не столько поможет удовлетворить спрос, заткнуть «черную дыру», сколько произведет субъекта такого спроса. Субъекта безусловно колониального! Уже Африка поняла, что это путь в пропасть! А мы? Страна до сих пор располагает огромными духовными возможностями! Но разве же не ясно, что их испарение есть самый страшный для нашей экономики процесс? Или же мы до сих пор ничего не научились считать, кроме тонн и километров?

Общество не в силах начать производить что бы то ни было, пока ему не укажут будущего. Это будущее для нашей страны связано с социализмом. Но не с развитым или реальным, а с социализмом постиндустриальным. Таким, каким он и был задуман людьми, осознававшими, что из разрухи данный народ, данную страну можно вытянуть лишь указав очень крупную, в каком-то смысле эсхатологически значимую цель.

На языке серьезной «экономики» — то есть экономики математической, потому, увы, малопонятной, в отличие от поп-жанра, наспех тиражируемого на потребу разочарованному, социально дезориентированному и не слишком грамотному потребителю, — это означает, что функционалы развития должны оптимизироваться с учетом

иерархии потребностей. Как только вводится эта «весовая функция», оптимум начинает сползать в сторону от рынка, который действительно оптимален при так называемой «единичной» функции, уравнивающей все потребности. (Подчеркиваю: не эксплуатирующей только низменные потребности, как учили массы парикмахеры от политэкономии, а уравнивающей все. Хотите — читайте Томаса Манна и Платона, хотите — колитесь наркотиками, рынку все равно. Только не наносите вреда другому.) Рыночная модель, казалось бы, очень красива. Оттого и боялись ее обнародовать. Но ведь все дело в том, что при таких начальных условиях происходит стремительное «вымывание» высоких потребностей и «весовая функция» из единичной фатально превращается в так называемый «колокол» — быстро убывающую функцию с максимумом в нуле...

Функционировать при таком «обнулении», то есть доминировании низших потребностей, можно. Развиваться — нельзя.

Неужели опыт Японии, интеллектуальных коммун и стилей, ставших базой для постиндустриального производства в США, так ничему и не учит?

«Можем ли мы достичь и социального, и экономического прогресса одновременно?» — задает вопрос один из ведущих обществоведов Запада А.Этциони, говоря о кризисе конца 70-х годов. И твердо отвечает: «В ближайший период — нет!» И мне хочется спросить наших экономистов, как собираются они решать эту проблему в стране, которая разорена несравнимо сильнее, чем Америка 70-х? Невозможное у них — каким образом станет возможным у нас? Мы и так уже живем не по средствам. Будущее десятилетие может быть для нашей страны или страшным, или суровым. Суля красивую жизнь, западные стандарты потребления — в какую яму толкают этот несчастный и, увы, бесконечно доверчивый народ? В чем завтра придется нам каяться перед своей страной и примет ли она в очередной раз это покаяние?

Перестройка дала мне, как творческому человеку, — все. Защита перестройки — для меня не социальный заказ, а жизненная необходимость. Но как бороться за перестройку — сегодня?

Еще год назад казалось, что главное — убедить делом, что ни в какие идеологические дискуссии включаться не надо. Увы, оказалось, что разрушать быстрее, чем строить. Поэтому молчать далее невозможно — следует говорить начистоту. Все как есть.

Перестройке угрожают две опасности.

Слева — те, кто уныло верит в железное здоровье системы. Справа — кто убежден, что вылечить ее нельзя. Слева, как ни парадоксально, — консервативная бюрократия. Справа — мафиозный тоталитаризм национальной криминальной буржуазии, уже рвущейся в политические бои. И справа, и слева — свое идеологическое обеспечение, причем у правых уровень идеологической квалификации на несколько порядков выше.

Талантливость, с которой благородная энергия антисталинизма оказалась превращенной в инструмент развинчивания всех гаек государственного механизма, вызывает тревогу и уважение разом. Уже и Степан Бандера — жертва сталинских репрессий!

Правда, правых в очередной раз подводит их биологический антидемократизм. Они, пожалуй, не учли (потому что искренне презирают) широкий слой средней научно-технической и гуманитарной интеллигенции, думающих рабочих, а таких немало, тех, кто не просто принял перестройку всерьез, а полон решимости проводить ее вопреки и правым, и левым. Может быть, этот слой еще до конца не ощутил всей опасности и оттого не сказал свое слово. Но, свидетельствую, вопросы уже раздаются.

Разве не видно:

— что национальные кризисы не есть оздоровление, а неизбежный социальный регресс, следствие потери консенсуса, общей идеи, развития. Если не «пролетарии всех стран...» и не репрессивный механизм, то — отъединение... Это естественно. Как говорят сейчас во многих республиках: «Капитализм мы эффективней построим без вас»;

— что кооперативы продемонстрировали свою экономическую неэффективность. Производительность труда в них вдвое ниже, чем в инвалидных артелях (выработка на одного работающего соответственно 700 и 1400 рублей в месяц). При этом 93 процента дохода направлены кооперативами Москвы в фонд заработной платы и только 7 процентов — в фонд развития. К сожалению, многие гораздо более «серьезные результаты» требуют слишком специального разговора;

— что в условиях мощной теневой структуры миграция ресурсов идет отнюдь не туда, куда этого требуют интересы развития. Неравенство прав госпредприятия и кооператива чревато развалом государственной промышленности;

— что частные накопления, достаточные для серьезных инициатив, в массе носят субкриминальный характер (до 20 процентов руководителей кооперативов попросту имеют криминальное прошлое);

— что именно теневой бизнес владеет по-настоящему мощным, вполне соразмерным государственному капиталу и что этот теневой бизнес давно находится в контакте с международным преступным миром. Уже одного этого достаточно, чтобы полностью заблокировать рынок. А кооперативы — выкупить на корню. Уж не ввести ли антитрестовское законодательство? (Вот один из примеров: в Москве остановлен рост общепита. По сути, это сигнал о том, что кооперативный общепит монополизирован теневым бизнесом. А чем такая монополизация лучше государственной?);

— что общественное мнение, расколовшееся, условно говоря, на «Память» и «Демократический союз», уже начинает разрывать на части наш «конвент» и что линии консолидации не могут миновать консенсусную социалистическую идею;

— что западноориентированные силы все более и более оперируют, скажем так, «супердемократической» компонентой западной культуры, производя — и не без успеха — соответствующий тип социального субъекта, а убедительной альтернативы не слышно, и отнюдь не потому лишь, что ее нет вовсе;

— и, наконец, что все это в совокупности с массой других обстоятельств, которые просто невозможно перечислить в рамках одной статьи, — все это миром не кончится. И дело не только в национальных окраинах. Вопрос шире и еще серьезней.

Отсутствие модели будущего и мощный, скажем так, «негативный потенциал», накопленный нашим обществом в предшествующий период, плюс неотвратимый — и это нужно сознавать — экономический кризис приводят к тому, что молодежь и интеллигенция прежде всего, а в общем-то самые широкие слои общества соскальзывают к состоянию, свойственному социуму, переживающему культурную агрессию. Это явление, обычно поражающее колониальные общества, характеризуется патологической зависимостью от метрополии в разных формах и сочетаниях. Это и «истовая тяга» приобщиться к культуре метрополии, и столь же истовое, если не истерическое, отстранение от всего, с этой культурой связанного. Как в том, так и в ином случае процессы носят ритуальный характер и описываются в терминах религиозных. Это либо причащение к новому богу, либо изгнание беса. И — в любом случае — неверие в состоятельность старого бога. Неявно присутствующее в националистических речах и эксгибиционистски декларируемое в сообществах и группах противоположного толка. Дальнейшая траектория соскальзывания

легко просчитывается. Уже сейчас объединившиеся вокруг национальной идеи и объединившиеся вокруг идеи западной находятся в состоянии необъявленной войны.

Исторический опыт показывает, что тотальный нигилизм по отношению к ценностям, выстраданным кровью нескольких поколений, вне новой идеи чреват смутой. Основная, объединяющая, как ни парадоксально, обе стороны идея — истребление всего инакомыслящего. Финал подобной схватки очевиден. Либо опять возврат к репрессивным механизмам, а значит и полное крушение перестройки, либо «самосъедание».

Поразительно, как на фоне этой чрезвычайной ситуации оказалась неэффективной идеологическая машина. Так называемые «кадры» менее всего способны отстаивать первородство. Отстоять не окриком, а в открытой политической дискуссии, обозначив прежде всего не утопические пути преодоления наметившейся «колониальности» и сразу же начав осуществлять соответствующие проекты.

Идея постиндустриального социализма, стратегия «прорыва» в области интеллектуального производства — это новое строительство на еще не освоенных социальных территориях. Не надо запугивать общество централизацией, сталинизмом как якобы неизбежным побочным продуктом такого рывка. Аналогия рассчитана на обывателя. Сегодняшняя стратегия постиндустриального прорыва никакого сходства с 30-ми иметь не может. Грабить некого и незачем. Современная технологическая база содержит слишком много — на два порядка больше, чем в 30-е годы, — элементов, а срок ее морального старения не 20 лет, а по некоторым позициям — 2–3 года. Иначе говоря, пересадить всю Америку на нашу почву нельзя, а если бы и можно было, то эта трансплантация раньше устареет, чем привьется.

Выход один. Ввозить в страну технологии и машины не тоннами и не заводами, а «под идею». В стране есть крупные идеи, опережающие уровень мирового развития, каждая из которых требует своей технологической цепочки, подобной отдельной нитке, выдернутой из ткани западной высокоразвитой экономики. В совокупности с опережающей идеей эта нитка может начать производить продукт, конкурентоспособный на мировом рынке. Так, нитка за ниткой, мы можем перетаскивать технологическую базу и выходить на мировой рынок. Процесс невероятно сложный, требующий терпения, политической целеустремленности, сочетания прагматики с энтузиазмом. Такое в истории нашей страны уже было. Для меня альтернативной

Сталину фигурой был и остается – подчеркиваю – не Бухарин, а Леонид Борисович Красин. И хотя модным стало сегодня заявление о том, что катастрофа 37-го имеет отправным пунктом ноябрь 17-го, я считаю необходимым обозначить другой рубеж.

XII съезд РКП(б) (апрель 1923 г.) Зиновьев: «...Мы попросим некоторых наших товарищей, которые слишком часто суются к нам со словом "не компетентны", чтобы они забыли это слово». И – они забыли.

История не должна повториться.

СТАТЬЯ ЧЕТВЕРТАЯ

Вооруженный компьютером человек, делающий прогнозы, столь же беззащитен, сколь и те, кому он предрекает несчастье, однако намного более уязвим, чем они.

Он может либо спасти себя и своих близких, либо... «Восстать», – скажет романтический поэт. «Искать заклятие против злых чар», – скажет мистик.

Для аналитика речь идет всего лишь о «рекомендациях». Кому? Сегодня – любому, кто захочет услышать и сможет понять. Неважно – сколько таких. Лишь бы были...

Рекомендуется остановиться, тщательно сориентироваться и лишь после этого начать двигаться дальше, либо скорректировав путь, либо вовсе другим путем, но к той же цели;

– выкинуть на свалку все карнавальные атрибуты, маниловские сны наяву по поводу скорого пришествия сладкой жизни и честно признать, что нам предстоят тяжелые испытания, десятилетие подвижнического труда; что на повестке дня аскетизм, жесткость, трудолюбие, трезвость – экономическая, политическая, гражданская; что нам придется расплачиваться за многое... Выдержим – будет достойная жизнь, нет – обречем детей на рабство и гибель;

– вернуть ту атмосферу взаимодоверия, без которой все разлетится в пух и прах, нормальным человеческим взглядом взглянуть на иных, чем ты, – иномыслящих, иноверующих, иноязычных и т.п., с которыми уже изготовились драться в «последнем и решительном». Не хотите? Не можете? Противно? Страшно?

А другое вас не пугает?

Работник ЧАЭС, видевший, как загорелся чернобыльский реактор, рассказывал:

«Стою я, значит, у окна и думаю — сейчас рванет. И знаете, в этой же комнате дети спят. И у меня мысль: разбудить, спрятать — и тогда есть шанс, что выживут... Или все оставить, как есть, чтоб если, чтоб так сразу, не мучаясь, значит, если рванет...»

Тогда — не рвануло. Нынче не может уже не рвануть — предвещает компьютер: «Манэ, тэкэл, фарэс...» — «исчислено, взвешено, разделено...»

Рекомендуется — от добывания (каждому — для себя) «косметических» улучшений уровня жизни перейти к созиданию нового качества жизни для нашей страны, к подвижническому труду всего народа для воплощения Идеи, рожденной в «монастырской» тишине, но обсужденной и принятой соборно, «на площади». Может, это (последнее — и основное!) пугает обывателя больше всего? Не первый раз в тысячелетней истории нашей страны мы, завидя бедствие, почему-то пускаемся в разгульный, бесшабашный пляс (кто пляшет, а кто только в ладоши хлопает) с тем, чтобы, когда бедствие уже свершится, вдруг из плясунов и зевак превратиться наконец в единый народ.

Почему так хочется гульнуть напоследок? А потом? «Суп с котом, плетью обуха не перешибешь, утро вечера мудренее, ломать — не строить, душа не болит...»

Так ли? Компьютер предрекает: «Знайте: этой зимой уже может не хватить топлива для того, чтобы согреть ваши дома в сорокаградусный мороз, столь частый у нас восточнее Урала, там, где почти все котельные работают на угле. Знайте: забастовки на транспорте — это анархия, голод, эпидемии. Столбцы экономической отчетности сулят апокалипсис вашим детям. Отбросьте суетные мотивы. Остановитесь, закройте глаза, послушайте тишину... Услышали? Теперь всмотритесь в окружающую вас черноту... Всмотрелись?... Увидели и услышали, что будет с теми, кто вами любим, через три года? Через год? Этой зимой? Теперь откройте глаза и сами себе скажите: "Мы у красной черты... Ни шагу вперед!"»

Ни шагу вперед — не исчислив, не взвесив, не разделив.

Рукописи не горят... И компьютеры тоже... Горят творцы рукописей и программ, говорящих не то, что хотят услышать, указывающих на то, чего не хотят видеть... Ныне и присно и во веки веков...

Да пройдут мимо нас призраки прошлого! Как сравнительно близкого, куда направлено сейчас «покаянье», так и очень далекого...

Пусть не увидят дети ужасов сталинизма, о которых так много сейчас говорят, но чур их и от того, о чем сегодня молчат: от кошмаров смутного времени, монгольского (или тевтонского) ига, междоусобицы русских князей... Пусть строят Будущее...

Но всмотритесь и вслушайтесь, вчитайтесь и вдумайтесь: где-то рядом, поблизости, пишется иной сценарий, строится иная ретроспектива – чудовищный поворот времени вспять, и дальше – часы без стрелок, остовы атомных электростанций, горящие города... Хаос. Привожу оценку из политологических центров, расположенных в Калифорнии: «По степени восприимчивости к мифологемам общественное сознание советских граждан близко иранскому или нигерийскому. В СССР мы сталкиваемся со всеми признаками распада традиционного общества... Вряд ли такой процесс будет протекать бескровно... Не исключена потеря целостности... В этом случае социальная детонация может привести к гибели 5–7 процентов населения».

С распадающимся традиционным обществом «там» работать умеют... Главное – никакого грубого вмешательства... Стоит только чуть-чуть подействовать в направлении собственных процессов – «туземцы» сами соскользнут (!) в нужном направлении. «Туземцы» – это, разумеется, «четвертый (!) мир». Итак, расчленение страны на части, война между слагающими СССР народами («ливанский сценарий»), этнопартийные диктатуры («нигерийская схема»; по-видимому, даже в Эстонии при таком раскладе парламентская демократия удержаться не сможет), десятки миллионов беженцев, распад инфраструктуры, голод и эпидемии – вот что грозит нашему обществу, если оно не опровергнет оценку западных политологов по части высокой «восприимчивости к мифологемам». А попросту – вопиющей политической безграмотности, амбициозности и доверчивости – необходимым слагающим политической истерии и массового психоза... Им этого хочется, нам этого не надо! Пока что, увы, наше общество своими действиями подтверждает их правоту... Накалена вся «Юго-Западная дуга», от Туркмении до Эстонии, волна забастовок нарастает в дышащей на ладан экономике...

А в Москве межрегиональная группа выдвигает вопрос о власти⁸. Ничего нового не предлагая, никакой новой идеи не привнося. Лишь накаляя добела все ту же потребительскую мифологию:

⁸ Межрегиональная депутатская группа – фракция, сформировавшаяся на I съезде народных депутатов вокруг демократических депутатов от Москвы: А.Д.Сахарова, Ю.Н.Афанасьева, Г.Х.Попова.

«Тех же шей, но погуще влей». Полным черпаком предлагают лить. Хоть через край – лишь бы побольше! Больше перца! Больше соли! Съедят! Один за другим к микрофону выходят: ...самые смелые! ...самые честные!! ...самые демократичные!!! ...самые умные!!!! самые-самые-самые!!!! И – такие интеллигентные, такие раскованные, такие эмоциональные, такие открытые, такие... неконсервативные! Так выгодно отличающиеся от косных, пошлых и тупых консерваторов-аппаратчиков. Ура!

Бабуся из притчи Анатоля Франса, молившаяся за тирана сиракузского, где ты, милая? В общественное сознание каленым железом вжигают миф о НЭПе. Даровали-де, мол, народу НЭП в 1922 году – и через пару лет все вздохнули свободно. И мы, мол, тоже, как введем, сразу заживем по-людски... Ну, не сразу, так через пару лет (а то и раньше!). Жилье, шмотки и главное – кол-ба-са! – все вам будет. Опять-таки, разумеется, всем! Прежде всего вам! Мы потерпим... У них же «там» («там» – все всегда идеально, это сегодня «всем» известно) рабочие больше капиталистов зарабатывают, вы же сами в газетах читали! (А мы писали!)

Впрочем, позволю себе одну развернутую цитату, живое свидетельство блаженной нэповской поры, самого, можно сказать, ее расцвета!

Передо мной еще недавно хранившаяся в спецхране меньшевистская газета «Социалистический вестник». По нынешним временам – нечто среднее между «Родником» и листовкой «Демократического союза». Датировано 26 июня 1926 года. Цитирую:

«Так как реальные заработки за последнее полугодие уже понизились благодаря дороговизне, то объективный смысл всей политики последнего времени состоит в следующем: вынужденные обстоятельствами уступки буржуазии, крохи политических прав, брошенные деревне, чтобы усмирить растущее недовольство, и понижение уровня жизни наемного труда всех видов и родов и в деревне, и в городе. Но злая шутка истории состоит в том, что коммунистическое правительство, вызывая своей "рабочей политикой" естественное недовольство пролетариата, в то же время не сможет своими уступками буржуазии и крестьянству купить их подлинные симпатии, сочувствие и поддержку. Ибо то, что оно дает одной рукой, оно другой отнимает!»

Начинаю подсчитывать. В 1922 году ввели НЭП. В 1926-м – такая вот констатация (вражьем голосом, «из-за бугра») – Дан

пишет, подчеркиваю, а не какой-нибудь там Дзержинский или Кржижановский! По нынешним временам – все равно как Леонтьев. И так, $22+4=26$. $86+4$ – сколько будет?

Насчет все более крутых и густых реформ, а также «перца» и «соли» – тоже пробовали. Тот же «Социалистический вестник», за тот же 1926 год. Всего лишь четырьмя днями позже. О чем пишут? О соскальзывании (!) большевистской диктатуры в сторону заурядного бонапартизма как естественном следствии НЭПа. Об оппозициях, левой и правой, о стачках... И вот, пожалуй, самое примечательное: «Каждый хозяйственный кризис», ставящий... внимание! – «ставящий на повестку дня расширение НЭПа...» Через три года дорасширились до коллективизации...

Семилетие НЭПа – практически белая еще страница нашей истории... «Народ, забывший свою историю, обречен на то, чтобы пережить ее вновь...» А на что, интересно, обречен народ, истории не имеющий? Сегодня понятно всем, что «Краткий курс истории ВКП (б)» – это не история, а чистейшей воды мифология. Согласен. Но, разбивая мифы, создаем ли мы этим историю? Очевидно, нет. Только меняем миф. Иногда не самым удачным образом. Не успели Тухачевского внести в пантеон как жертву сталинизма, как, глядишь, придется и выносить! Не говоря уж о Фрунзе или Якире! Свердлов на очереди, за ним – понятно, кто? Братцы, да ведь, только чтобы таблички сменить, придется всесоюзные субботники объявлять! Может, не будем суетиться, собирая «компромат» в старом энкавэдэшном духе, а займемся историей? Хотя бы как ею занимались французы после конвульсий всех своих революций... А мертвые – что ж, может быть, им-то лучшим памятником будет... ну, если не «построенный в боях социализм», то хотя бы спасенный гражданский мир на нашей взмокшей от крови земле. Чуть-чуть ведь только стало подсыхать – и снова?

«Мы знаем, что ныне лежит на весах и что совершается ныне. Час мужества пробил на наших часах, и мужество нас не покинет.»

Когда Ахматова писала эти слова, существовали «мы», и эти «мы» действительно «знали».

Сейчас же опасность не меньше, а «знания», увы, нет... Да и необходимое мужество, час для которого действительно пробил, тоже, увы, отсутствует. Я не о смелости говорю, о мужестве додумывать до конца. Говоря о деформациях социализма – экономи-

ческих, политических, правовых, — хватит ли мужества поставить вопрос о деформированности социопсихической? Предъявляя иск государству, осмелимся ли на такой непопулярный акт, как иск к отдельному индивиду и к обществу? А додумывая до конца, что скажем о демократии, кроме общих хвалебных слов?

В любом случае, если пошли на этот крайний (подчеркиваю!) шаг — демократию в отсутствие гражданского общества, — нужна крайняя интеллектуальная бдительность и ответственность за все посеянное в массовое сознание. От нас с вами зависит, как вчерашний «винтик» воспримет дарованную ему «кратию», то бишь силу. Как гражданин или как распоясавшийся хам? Ему ведь с пеленок известно, что коли «она» есть, то ума-то не надо. Сумеет ли он перешагнуть через это, сможет ли воспользоваться этой силой по существу или радостно передаст в чужие и, что греха таить, умелые руки? Будет ли демократия подлинной властью демоса в нашей стране или же властью над ним и с использованием его? Что уже неоднократно случалось в нашей (да и не только нашей) истории. Дадим ли мы построить новую мифологию и с ее помощью дергать за нитки новую марионетку, в очередной раз уверовавшую в то, что она свободна? И сознаем ли, в чьих руках окажутся эти нитки? Начав дергать (а уже начали), скоро ли выкинут демократию в мусорный ящик и перейдут к новым аутодафе, благословляемые ликующими толпами жаждущих крови сограждан? Можно будет даже провести референдум.

Из всех «орденов» признаю лишь один, вселенский, — интеллигенцию в абсолютном и высшем смысле этого слова. Вопрос — осознает ли она себя сегодня в этом качестве, в этой стране?.. Хотя бы несколько сотен людей? «Умертви себя для себя, но не для России» — великие слова Гоголя, навязчиво, иного слова не подберу, цитировавшиеся Блоком, — находят ли они сегодня отзвук хоть в чьей-то душе? Есть ли вы? Если есть, то знайте: рубикон перейден, и мы обязаны дать открытый интеллектуальный бой. Сколь ни мало шансов у нас на успех, но мы должны все-таки попытаться одержать решительную победу. Иначе, вытаскивая молодежь из болота идиотизма старого, мы тут же позволим (да и поможем!) ей соскользнуть в болото идиотизма нового, ничуть не менее (а может быть, и более) опасного, нежели прежний. Потому что в условиях так называемой «демократии» при фатальном отсутствии и политического опыта, и политической культуры уже возник и — что ни

день – становится все более прочным союз молодых неопитов с новыми держателями, конечно же, новых и, разумеется, неоспоримых (и не оспариваемых) истин, которые (то бишь истины), ясное дело, всесильны потому... что – ясное дело, что...

Я утверждаю, что под видом перестройки сегодня зачастую ведется даже не эрозия, а, иного слова не нахожу, метастазирование смыслов и целей, скрыто начатое в брежневскую эпоху. Что чуть ли не каждый второй из тех, кто с пулеметной скоростью оттаранивает новый джентльменский набор перестроечных слов и хлестких определений, граждански стерилен. И что присосавшиеся к телу перестройки брежневские дельцы новой формации намного опаснее простоватых консерваторов, способных отстаивать свои, пусть не устраивающие нас, принципы, идя против нового ветра. Общество может негодовать на их архаичность, но грех лакейства, видит бог, намного опаснее. «И аз изблюю их из уст своих». Давно пора вспомнить нам эту старую истину. Равно как и страшный приговор чеховской героини: «Мой муж, быть может, честный, хороший человек, но ведь он лакей! Я не знаю, что он делает там, как служит, я знаю только, что он лакей». Лакей... Раба можно выдавливать из себя по каплям, а вот холуйство – это уж на всю жизнь.

Когда я, студент первого курса, написал записку, в которой возражал очень солидному человеку, лектору ЦК КПСС, что нельзя, не марая себя, называть серьезного писателя Солженицына «мразью», один из этих лакеев на партбюро, где ставился вопрос о моем пребывании в вузе, сказал: «Я предупреждал, что он что-нибудь выкинет...»

Когда на втором курсе я, комсорг студенческой практики, летом 1968 года сказал на политинформации, что ввод войск в Чехословакию является «серьезной политической ошибкой», он тут же подал на меня докладную... Учился я, слава богу, не на истфаке, а в Московском геологоразведочном... Кроя у себя в кабинете и меня, и этого холуя, а, может, заодно и висевший у него над головою портрет, секретарь парткома, тяжелобольной человек, рвал его докладную, предупреждая, что «если... (трах-тарарах) еще раз (трах-тарарах), где-нибудь... что-нибудь...». На третьем курсе этот лакей, восхищаясь моим спектаклем, шептал за спиной, что я «идеологически опасен». На четвертом – уговаривал меня вступить в партию «ради аспирантуры». На пятом – наконец попал «в точ-

ку», законспектировав прочитанную мною (опять в порядке политинформации) студентам первого курса лекцию по политологии, где я, выражая свое несогласие с Авторхановым, зачитывал страницы из его, естественно, нелегальной книги «Технология власти» — и... очередной «он» в ответ на всеобщее недоумение, почему я, имея только отличные оценки и несколько научных работ, не могу претендовать на очную аспирантуру, произнес: «Нам не коммунисты-геологи нужны, а геологи-коммунисты». Правда, потом, добрая душа, посоветовал не выступать больше при этом лакее.

Годы шли, я окончил Вахтанговское училище, моды менялись, но «он» оставался прежним — и по-прежнему невероятно чувствительным по части новых веяний. В конце брежневской эры, закрывая мой очередной спектакль, еще один попавшийся на моем пути «он» сказал, прикрыв перед этим дверь: «Я закрываю все не за то, что вы слишком «левый», а за то, что вы слишком «красный». Другой, более высокопоставленный «он», каждый раз, начиная со мной культурную беседу, говорил: «Мы — советский истеблишмент». И вот теперь, естественно, перестроился первым. А я, как всегда, опоздал. «Они» всегда будут перестраиваться мгновенно... из шеренги — в колонну, из колонны — в шеренгу, можно и в другую, более сложную конфигурацию, но по команде, в соответствии с последними и, как им кажется, точно уловленными «вкусами начальства» и модой. Не общепринятой — что было бы «слишком пошло», — а модой «их круга», их истеблишмента, ориентированного, в свою очередь, на вкусы круга «еще более престижного», чем «их круг». И еще более истеблишментного. И здесь мы переходим к самому главному.

Сегодня наш либеральный истеблишмент печется о «храме». Чьем? Того ли, кто сказал, что «не хлебом единым»?..

«Что такое ваш распределитель по сравнению с их супермаркетом?» — реплика, восторженно передававшаяся из уст в уста. Не в этом ли храме предлагают сегодня служить обедню? «Если вы думаете, что вы нам платите, то можете считать, что мы работаем». (По-видимому, имелось в виду — «на вас» работаем). Физики, сочинившие эту веселую присказку, придумали заодно и реактор РБМК, заметим, не для «них», а для нас... И для себя тоже.

Взрыв станции — не кара ли за этот кощунственный анекдот, ниспосланная язычникам, вставшим на путь поклонения новому

идолу – Колбасе? До Чернобыля эта оценка могла бы еще показаться чересчур патетичной. Но мы живем в новую, Послечернобыльскую, Эру – поймите! И сегодня, одобрительно хихикая над таким анекдотом, одновременно (вот что пугает больше всего!) рассуждать о Храме и ноосфере... Прости им, Бог, ибо не ведают... А ведь может и не простить!

Так в какой же Храм мы с вами ищем дорогу? Один наш драматург, человек, что называется, «тертый», привычный к запахам столичного закулисья, буквально со слезами на глазах рассказывал мне о том, что в последнее время многие из ведущих актеров и актрис столичных театров соглашаются на роли, только когда им показывают договоры с инофирмами. «Понимаешь, раньше они грызлись за выигрышные роли, а теперь...» Теперь им неважно, что играть, важно – где. И какой категории будет валюта...

«Камо грядеши?»

Кстати, царство жратвы христианами всегда воспринималось как царство того, другого...

«Зачем он вступил в Союз писателей? – "пытала" меня моя покойная мать лет двадцать назад по поводу одного нашего известного (ныне здравствующего на Западе и прямо-таки почитаемого здесь, "у нас") диссидента. – Ведь он литературовед, снс, он и так без куска хлеба не сидел, нормально зарабатывал, ездил за границу. Зачем же он так унижался? Ради чего? Ради лишней кормушки? Ведь там, в уставе, черным по белому написано "соцреализм", "партийность", он же этого на дух не переносил! Зачем же вступал? Ведь, пойми, он не писатель, для которого это – шанс прокормить семью! Он был о-бес-пе-чен, пойми! И на веревке его туда никто не тянул. Сам пришел, ДОБИВАЛСЯ! Зачем? Как не стыдно!»

Говорят, что про стыд нынче только старичье рассуждает, а на самом деле «нравственно то, что эффективно...». Ой ли? А как же знаменитое американское «йес», сказанное по телефону, после которого американский бизнесмен не расторгает даже невыгодную сделку? Для того, чтобы порядочность на рынке человеческих качеств (не путать с Черемушкинским или Центральным) имела высокую цену, должен быть сформирован (автоматически такое не происходит) спрос на этот «товар». Нравственность должна иметь высокую котировку на бирже качества! Возвращаясь же к нашей действительности – хотя бы слово «проходимец» не должно восприниматься как похвала, удачливый вор не должен оцениваться как социальный ли-

дер, образец для подражания, законодатель нравственной моды. Профессионален ли экономист, восхваляющий теневого дельца, выдвигающий его на роль нового мессии? Читал ли он о сфокусированной рациональности как непреложном условии любого экономического рывка, об отсрочке вознаграждения, структуре мотивации? Это же хлеб экономики 80-х годов! Почему наши апологеты Запада не используют изощренный западный инструментарий для анализа того, что происходит у нас? Откуда это экономическое плебейство? Разве не ясно, что эта готовность забывать лишнее, жертвовать наукой в угоду групповым интересам и политической конъюнктуре дискредитирует их не только в глазах своих соотечественников, но и в глазах их западных учителей, — прежде всего как профессионалов. Потому что подлинный профессионализм историка, экономиста, философа, физика, рабочего, публициста немыслим вне чести, вне готовности пойти на крест за свою профессиональную веру, вне способности не к покаянию, нет, к искуплению своих грехов своею кровью. Здесь сердцевина всего того, что мы называем честью... Готовность платить...

«Ты Сашу не трогай!» — кричал один наш известный писатель другому в начале шестидесятых по поводу принесенных ему для публикации воспоминаний о застрелившемся Фадееве. «Саша чище нас, он свое заплатил...» «Саша» действительно заплатил страшной ценой за свой грех, а его ближайший соратник, замаранный ничуть не менее, нежели сам «Саша», пересидел вдали от Москвы самое страшное, «возвращенческое» время, а потом вернулся в столичный град на белом коне в ореоле борца со сталинизмом. «Покаяние!»

Я не религиозен, но каждый находится хоть в какой-то степени под обаянием образа Распятого, и вряд ли есть люди, живущие хоть сколько-нибудь полной духовной жизнью, для которых вообще отсутствует обаяние этого образа... Так вот, не будучи религиозным человеком, я хотел бы верить, что в Царствие Божие, коли оно есть, войдет именно «Саша», заплативший страшную цену, а не его почивший в бозе соратник.

Кстати, о модном ныне христианстве. Здесь — глубокая разница с тем блаженным нигилистическим временем, которое так напугало Федора Михайловича Достоевского. Там, по крайней мере, ясно было, кто есть кто. Ныне же все обвешались иконами, зажгли лампадки, на видное место поставили Священное писание (желательно в зарубежном издании). Так вот, говорю я с одним из наших либеральных «дон кихотов», осуждающих революционеров

за жестокость и кровопролитие, и выясняется, что он учит «жить по Христу». Спрашиваю – включает ли он в это «жить по Христу» Голгофу? И получаю в ответ жесткое, хорошо продуманное – нет. Так один ли у нас с вами Храм и одна ли Дорога? Может, пути-то давно уже разошлись?..

Может, и христианство-то вам нужно только «до кучи», лишь бы «против большевиков»? И если антисталинизм вы превратили в орудие демонтажа «империи» (а заодно и Варшавского договора, Ялты, Потсдама и многого другого), если сброс Ленина (а он уже начался) нужен вам для того, чтобы добить идеологическую и политическую структуру, взять власть (об этом говорится впрямую), то кто на очереди? Почему бы не Он с его «не убий»? Модные нынче оккультизм, неоязычество, неошаманство (не путать с традиционными верованиями нехристианских народов!), популярность оккультной практики Третьего рейха в наше время очень симптоматичны. Кто же грянет? Неужели так-таки никому не понятно?

Телевизионная камера жадно выискивала очередной уголок дворца американского миллиардера. Крупным планом – безделушки, украшения, интерьеры, сервировка: «Ну, живут!»

Взволнованный, захлебывающийся голос советского комментатора повествовал о том, что коммерческий гений американца подсказал ему вложить вывезенный с Востока капитал в торговлю спиртным. Правда, в Америке в то время царил так называемый «сухой закон» и такая рекомендация «гения» была незаконной... (ну и что?!), делающей необходимыми связи с бутлегерами... (ну и что?!), с мафией!.. (ну и!)...

Ожерелья, сервировка, свечи, обои, картины, рамы, фраки, декольте, паркет, цветники и опять все та же пищевая проблема... В колбасном храме приняли причастие и оказались возведены в сан «борцов за демократию» уже не только «теневики», «цеховики», сумевшие в условиях застойного периода, оказывается, не только хапнуть пару сотен миллиардов, но и, судя по выступлениям наших либеральных публицистов, «сохранить в нашей стране дух энергии и предприимчивости», пусть даже и не вполне морально безупречными способами. Мило! Дальше – получил отпущение грехов уже и откровенный криминал. Ставка – на него. «Лучше Колумбия, чем ваши красные...»

Лучше – кому? «Они страну довели до ручки – пусть уходят!» Нет уж, давайте всерьез разбираться, кто именно ее до ручки до-

вел... И куда вы ее доведете... Где бросите... И кому передадите с рук на руки.

Разбираться будем с цифрами в руках, строго и беспощадно. Без ложной патетики, начистоту. На карту поставлена жизнь наших детей, да, кстати, и ваших тоже, потому что все за границу сразу не убегут, просто-таки не успеют, а радиация, эпидемии и погромы не разбирают своих и чужих. Творцы хаоса зачастую оказывались и его жертвами. Поэтому в правде, которую мы вам говорим и будем продолжать говорить, вы тоже заинтересованы.

